

Саманта
Джонс

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Не твоя
ПРОВОДНИЦА
развод в
поезде

Саманта Джонс

**Не твоя проводница.
Развод в поезде**

«Автор»

2026

Джонс С.

Не твоя проводница. Развод в поезде / С. Джонс — «Автор»,
2026

Она привыкла верить, что дом - это там, где тебя ждут. Но однажды, вернувшись из рейса раньше срока, проводница Елена застаёт в своей постели чужую женщину. Ее мир, державшийся на честном слове и старых привычках, рушится в одно мгновение. Десять лет брака, совместные смены и редкие ночи в обнимку - все это оказывается ложью. Удастся ли Лене заново научиться доверять? Сможет ли она стать не просто женщиной, пережившей предательство, а той, кто выбирает себя, несмотря ни на что? У вас в руках пронзительная и жизнеутверждающая история о силе духа, о том, как важно иногда остановиться и понять, что путь, по которому ты идешь, ведет не в никуда, а к настоящему дому. Для поклонников душевных женских романов Саманты Джонс.

© Джонс С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Любовь на колесах	5
Глава 2. «Колея»	7
Глава 3. Соседняя ветка	9
Глава 4. «Развод»	12
Глава 5. «Ночной разговор»	14
Глава 6. «Первое приближение»	16
Глава 7. «Старая привычка»	18
Глава 8. «Смена»	20
Глава 9. «Станция “Нежность”»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Саманта Джонс

Не твоя проводница. Развод в поезде

Глава 1. Любовь на колесах

Восемь дней меня не было дома. В последнее время, возвращаясь с поездки, я ловила себя на мысли, что квартира - это чужое пространство. Мой муж Павел работал обходчиком путей, встречались мы раз в неделю, если повезёт. Дома было холодно.

- Паш, я приехала, - крикнула я, заходя в прихожую и скидывая туфли. Ноги гудели, тело болезненно ныло.

Тишина была странной, не пустой, а настороженной, притаившейся. Из комнаты доносился приглушённый звук, то ли от телевизора, то ли голоса. Я прошла вперёд. На крючке висело чужое пальто.

Я остановилась. Ладони задрожали, сердце пропустило один удар, потом второй, а потом к горлу подступил пульсирующий комок, часто и мелко взрываясь в гортани.

- Паша? - позвала я тише уже почти не своим голосом.

Дверь в комнату была приоткрыта. Я толкнула её рукой. Картина, которую я увидела, въелась в память надолго. Павел сидел на диване в майке и семейных трусах. Рядом с ним, поджав ноги, сидела молодая девушка.

Павел поднял голову. Глаза у него были мутные, но совершенно спокойные. Ни тени испуга, ни капли вины. Так смотрят на контролёра, который зашёл не в тот вагон.

- Ты рано, - сказал он. Голос был ровный, даже слишком будничным, как в дурной студенческой постановке старого и всем давно известного спектакля.

Девушка дёрнулась, попыталась встать, но Павел положил ей руку на колено, придерживая. Я молчала. Слова застряли в горле.

Девушка всё-таки выскользнула из-под его руки, вскочила, заметалась по комнате в поисках своих джинсов. Стройная фигурка. Белые трусики. Белая не загорелая кожа.

Я смотрела на неё и не чувствовала ничего, ни злости, ни ревности, ни желания вцепиться в её волосы. Передо мной была просто случайная пассажирка, которая села не в тот поезд.

- Собери свои вещи и уходи, - тихо сказала я. Сама не понимая, кому адресована фраза - то ли девушке, то ли Павлу. Глаза застилал туман. Туман, который окутывал теперь всё моё будущее. Словно поезд сошел с рельс, пока пассажиры еще не успели проснуться.

Павел, наконец, поднялся. Подошёл ко мне, остановился в дверном проёме, перегородив дорогу. От него пахло дешёвыми женскими духами.

- Не суетись, - бросил он той. Та, натягивая джинсы, чуть не упала. - Лен, давай спокойно.

- Спокойно? - переспросила я. Голос прозвучал глухо. - Ты привёл другую в наш дом, в мою постель, и хочешь спокойствия?

- А что такое наш дом? - вдруг зло, с каким-то даже торжеством в голосе спросил Павел. Он сделал шаг ко мне, и я отступила в прихожую. - Ты здесь бываешь? Ты ночуешь здесь? Ты живёшь здесь? Ты, Лена, не живёшь. Ты числишься. Как поезд на запасных путях.

Я смотрела на него и видела чужого человека: обгорелое лицо, ранние морщины, въевшаяся в кожу дорожная пыль. Таким он был всегда, но сейчас эти черты сложились в маску, которую я видела впервые.

- Я работаю, Паша, - сказала я тихо. - Мы оба работаем, чтобы была эта квартира, чтобы...

- Чтобы что? - перебил он. - Чтобы раз в месяц видеть жену, которая пахнет вагоном и чужими людьми? Я на путях сутками, ты в поездах неделями. Мы чужие люди, Лена. Мы давно чужие. Просто жильё делить некому.

Слова падали на меня, как камни, тяжёлые, холодные, безжалостные. «Мы чужие люди». Десять лет брака, десять лет совместных смен, недосыпов, копеечных отпусков, разбитых надежд и редких ночей, когда мы засыпали в обнимку. Всё это сжалось в одну фразу.

Девушка, уже одетая, выскользнула из комнаты, прошмыгнула мимо нас к двери. Я даже не взглянула на неё. Я смотрела на Павла. В его глазах не было сожаления - была лишь усталая злость человека, которого поймали, но которому было плевать.

- Я не чужая, - сказала я. - Я твоя жена.

- Была, - отрезвил меня Павел и, развернувшись, ушёл в комнату.

Это было полное, абсолютное равнодушие. Мой приход, моя боль, моё существование - всё это стало для него просто помехой.

Я стояла в прихожей, глядя на стену с крючками. На одном висела моя форменная куртка проводницы, на другом его рабочая одежда. Рядом, на тумбочке, лежали наши проездные. Два мира, которые иногда пересекались в этой прихожей, чтобы разойтись снова.

Я прошла в комнату, стараясь не смотреть на Павла, который уже лёг на диван и уткнулся в телефон. Достав старую спортивную сумку, молча собирала вещи. Зубная щётка, халат, две смены белья, одежда, паспорт. Всё самое нужное. Павел не поднимал головы. Он листал ленту, и на его губах блуждала лёгкая улыбка.

- Ключи оставь, - бросил он, не поднимая взгляда.

Я положила связку на тумбочку. Звякнули ключи - от дома, от работы, от шкафчика в депо. Десять лет жизни, десять лет общего быта уместились в этот металлический звон.

Я вышла в подъезд, захлопнув дверь. Спускалась по лестнице, держась за перила. Ноги не слушались.

К подруге ехать было далеко, через весь город. Да и зачем?

В маршрутке было душно. Я сидела у окна и смотрела, как мимо проплывают огни города. За каждым окном своя жизнь. Где-то ужинают, где-то ссорятся, где-то любят. А моя жизнь только что разбилась вдребезги.

Марина открыла дверь не спрашивая. Увидела меня с сумкой, моё лицо - и всё поняла без слов. Молча впустила, налила чай, села рядом на диван.

- Рассказывай, - коротко сказала она.

Но я молчала. Сидела, сжимая в ладонях горячую кружку, и смотрела в одну точку. Перед глазами был Павел, на диване с телефоном. Вместо меня.

- Лен, ты как? - донёсся голос подруги.

Я подняла глаза. В них не было слёз. Была лишь сухая, выжженная пустота и странное, неожиданное спокойствие.

- Нормально, - сказала я.

Но нормального в моём состоянии не было. Была лишь пустота, шок и путь к новой жизни по железной дороге.

Глава 2. «Колея»

И снова я здесь. Вагон-купе, третья смена, моя территория. Здесь я чувствовала себя уверенно, как рыба в воде. Здесь всё было понятно: график, пассажиры, кипяток, постельное бельё и мелкие бытовые конфликты, которые я умела сдерживать профессиональным спокойствием.

Но сегодня это спокойствие давалось мне ценой невероятных усилий.

Я стояла в служебном купе, глядя в темноту за окном. Там, в этой черноте, мелькали редкие огоньки полустанков, но перед глазами стояла совсем другая картина. Дверь нашей с Пашей квартиры, прихожая, спальня. И они.

Я надеялась, что вагон, стук колёс и привычная работа сотрет увиденное из памяти, сделает кошмаром, который так и хочется забыть.

Выйдя в коридор взгляд скользнул по отражению в затемнённом стекле двери. На неё смотрела женщина тридцати восьми лет, с серым от усталости лицом.

Я всегда была в разъездах. Паша работал и сохранял наш дом. Я думала, что у нас идеальный тандем: оба работали у дороги, сохраняли семейный бюджет. Он ждал меня с каждой поездки. Ждал. Это слово теперь звучало насмешкой.

- Девушка! - раздался резкий женский голос.

Я вздрогнула и обернулась. У купе, где я только что проходила, стояла полная женщина.

- Я третий раз зову! Где чай? Я оплачивала чай с лимоном!

- Иду, - механически ответила я и направилась к титану.

Руки предательски дрожали, когда наливала кипяток. Кружка звякнула о край стола. Поставив стакан в подстаканник, бросила дольку лимона. Ложка выскользнула из пальцев и со звоном упала на металлический пол.

- Господи, растяпа, - прошептала я, наклоняясь.

- Долго мне ещё ждать? - женщина уже стояла в проходе, скрестив руки на груди.

- Держите, - протянула я стакан с чаем, стараясь не смотреть на пассажирку.

- Это что? Это чай? - она поднесла стакан к носу и поморщилась, как будто ей предложили помой. - Это не чай, а бледная вода! Где заварка? Мне нужен крепкий, свежий чай!

Это было последней каплей. Внутри что-то оборвалось. Горе, злость, обида, накопившиеся за трое суток, хлынули наружу мутным потоком.

- Вам не угодишь, - голос прозвучал громко, непривычно для моей обычной мягкой манере общения. - Вода как вода. Кипяток. Если вам нужен чай в ресторане, идите в ресторан.

Женщина опешила. Её лицо вытянулось от удивления, а затем налилось краской.

- Что? Что вы себе позволяете?! Да я на вас жалобу напишу! Вы... вы хамка! Начальника поезда мне позовите!

- Пишите, - бросила я, чувствуя, как дрожат губы.

Она резко развернулась и чуть не столкнулась с Алексеем. Начальник поезда стоял в двух шагах от меня. Сколько он слышал - было непонятно, но его лицо, обычно спокойное, сейчас выражало огорчение.

- Елена, на пару слов, - сказал он негромко, но таким тоном, что спорить было невозможно.

Он посторонился, пропуская меня в служебное купе, и плотно закрыл за собой дверь.

Я стояла, держась из последних сил, готовая к разговору. Алексей был старше на пару лет, справедливый, но требовательный. Стыд жег мое лицо.

- Ты что творишь? - спросил он тихо, но весомо. - Лена, я тебя знаю не первый год. Что за истерика на ровном месте?

- Она сама... - начала я, но Алексей перебил меня.

- Не надо. Я всё слышал. Ты профессионал. Ты должна быть выше. - Он помолчал, внимательно вглядываясь. - Что случилось?

Я судорожно вздохнула, пытаюсь сдержать слёзы, но они предательски защепают глаза.

- Ничего, - выдохнула я, отворачиваясь к окну. - Извините. Сама не знаю, что на меня нашло.

Я наконец обернулась и встретилась с ним взглядом. В полумраке купе его глаза казались очень тёмными, почти чёрными. Обычно он смотрел на меня ровно, по-деловому. Но сейчас в этом взгляде было что-то новое, от чего по спине пробежал лёгкий, незнакомый холодок. Не страх, а скорее... смятение. Как будто он видел меня насквозь.

- Спасибо, - еле слышно сказала я. - Я поняла.

Я кивнула и пошла по коридору. Я не обернулась, но кожей чувствовала, что он смотрит вслед.

Зайдя в своё купе, прикрыла дверь и, прислонившись к холодной стене, закрыла глаза. Моя привычная колея, по которой я катилась десять лет, вдруг резко оборвалась, упёршись в тупик. И что там, за этим тупиком, - я не знала. Но странное дело: в этой темноте и неопределённости вдруг отчётливо проступило другое лицо - не Пашино, искажённое испугом и виной, а спокойное, внимательное лицо Алексея, смотревшего с неожиданным, пугающим и волнующим участием. И от этого взгляда сердце билось неровно, выбиваясь из привычного ритма колёс.

Я открыла глаза и посмотрела на своё отражение в тёмном стекле. Перевела дух. Рейс ещё не закончился. А вместе с ним не закончилась и моя старая жизнь. Но трещина в ней уже пошла.

Глава 3. Соседняя ветка

Павел позвонил. Я вышла ему навстречу. Хотя могла бы не выходить. Могла отлежаться, сказав, что устала после рейса, что хочу просто умереть от стыда и боли. Но внутри что-то щелкнуло. Какая-то невидимая пружина, которую я в себе не подозревала. Я накинула куртку и вышла.

Привокзальная площадь жила своей привычной, шумной и равнодушной жизнью. Огромный вокзал дышал тысячами пассажиров. Кто-то уезжал, кто-то приезжал, кто-то плакал, кто-то смеялся. Для них всех жизнь продолжалась. Для меня в этот момент она висела на волоске.

Павел стоял у колонны, руки в карманах куртки. Высокий, с крупными, немного грубыми чертами лица. Работа обходчика - работа ночного одиночества, когда идешь по шпалам с фонарем, слушая тишину. Я всегда думала, что эта работа сделала его молчаливым, замкнутым. Теперь я понимала: молчание было не усталостью, а пустотой.

Он не обнял меня. Не спросил, как прошла поездка. Он посмотрел на меня тяжелым, колющим взглядом и произнес слова, которые я запомню, наверное, до конца своих дней.

- Зачем устроила цирк? - спросил он глухо.

Я замерла. Ожидала слез, мольбы, грязных обвинений. Но не этого. Не спокойного констатирования факта, что это я устроила цирк.

- Цирк? - переспросила я осипшим голосом. - Паша, ты... ты привел женщину в мою постель.

- В нашу постель, - поправил он спокойно, и это «нашу» прозвучало как приговор. - И не ори. Тут люди.

Он был прав. Мимо сновали пассажиры с тележками, носильщики, снующие таксисты. Никому не было дела до двух людей, стоящих у колонны с несчастными лицами.

Павел закурил. Я ненавидела, когда он курил. Но сейчас смотрела на огонек сигареты, как на единственный источник света в кромешной тьме.

- Ты сама виновата, - выдохнул он дым, не глядя на меня. - Вечно в бегах.

Это было сказано так, словно я не проводник, а сбежавшая преступница. Словно это я разрушила семью, исправно принося зарплату.

- Я работаю, Паша, - тихо сказала я, чувствуя, как внутри поднимается не столько обида, сколько ледяная волна омерзения. - Я кормлю нас. Твоя зарплата обходчика... ты сам знаешь.

- А я просил? - он резко повернулся ко мне. - Просил тебя мотаться по стране? Я говорил: иди в кассы, иди в диспетчерскую. Нет. Тебе надо в дорогу, ветер, романтику. А я? Я должен сидеть и ждать, когда ты соизволишь приехать?

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Я искала логику, пыталась понять, как мое отсутствие дома могло стать причиной того, что он спит в нашей спальне с какой-то девицей.

- И долго? - спросила я, перебивая его.

Он замолчал, докуривая. Бычок полетел на мокрый асфальт.

- Какая разница? - пожал он плечами.

- Я хочу знать, сколько ты меня обманывал. Сколько я была душой.

В моем голосе не было истерики. Была усталость многодневного пути, смешанная с горечью. Я смотрела на мужа и вдруг увидела его словно со стороны. Не мужчину, за которого выходила замуж десять лет назад, - молодого, смешного, который держал за руку и обещал, что вся жизнь будет как ровные рельсы. Я увидела чужого, злого, мелкого человека.

- Месяца три, - буркнул он. - Зовут Света. И она хотя бы дома бывает.

Это был удар. Не из-за Светы. Из-за этого «хотя бы». Я вдруг остро, физически поняла: он не просит прощения. Он меня наказывает. Он мстит за то, что я смею быть самостоятельной, смею иметь свою дорогу, свой маршрут, свою маленькую каюту в поезде, где чувствую себя хозяйкой. Он не выносил моей независимости, и измена для него была способом эту независимость приземлить, уничтожить.

Я посмотрела на здание вокзала. Огромное, подсвеченное огнями. Там, внутри, стояли составы. Мой поезд ушел дальше по маршруту без меня, но там были другие составы. Другие пути. Соседние ветки.

- Ты прав, - вдруг сказала я ровным, спокойным голосом, который напугал меня саму больше, чем если бы я начала кричать.

Павел напрягся. Он ждал скандала, битья посуды, женских слез. К этому он был готов. К спокойствию - нет.

- В чем прав? - настороженно спросил он.

- Я вечно в бегах, - повторила я его слова. - Я бегала от этой квартиры, от твоего вечного молчания, от непочиненного крана. Я думала, если буду много работать, если буду приносить деньги, если буду стирать твои вещи перед каждым рейсом... то что-то изменится.

Я замолчала, глядя на разводы грязи на асфальте, оставленные колесами такси.

- Я боялась это признать, - продолжила я, и голос стал чуть тише, но тверже. - Что мы - два поезда, которые давно разошлись по разным путям. Мы просто встретились на одной станции десять лет назад, а теперь наши графики не совпадают.

Павел скривился. Ему не нравились эти железнодорожные метафоры. Он был человеком земли, шпал, гравия. Он не умел говорить красиво.

- Ты хочешь развода? - спросил он прямо. В его голосе послышалось даже некоторое облегчение. Словно он только и ждал, что я сама предложу это, снимая с него груз ответственности.

Я долго молчала. Вспомнила тот момент, когда застала их. Какой была её первая эмоция? Боль? Ревность? Нет. Первой эмоцией был странный, животный ужас перед тем, что придется что-то менять. Привычный уклад, пусть и державшийся на честном слове и расписании в паспорте, рушился. И только сейчас, стоя на вокзале, где всегда царил дух перемен, я поняла, что боялась не потери Пашки. Я боялась одиночества. Боялась, что за дверями этого дома меня никто не ждет.

Но сейчас, глядя на него, чужого и далекого, стоящего под колонной, я поняла, что меня там не ждали уже очень давно. Там просто занимали место до прихода хозяйки.

- Я подам заявление, - сказала я. - Заберу свои вещи завтра, пока ты будешь на смене.

Я развернулась и пошла. Не к выходу с площади, а обратно, в стеклянные двери вокзала. Павел окликнул меня один раз, но я не обернулась.

Вокзал встретил меня гулом и суетой. Табло отправления горело зелеными строчками. Моего мира, стихии. Я подошла к окошку дежурной, с которой была знакома много лет.

Я смотрела на свои руки. Руки проводницы: сухие, с обломанными ногтями, с мозолью от тяжелого чайника. Это были руки человека, который привык работать, который привык выживать.

Мысль о том, что брак был мертв, пришла не как шок, а как тяжелое, но долгожданное облегчение. Словно всю жизнь таскала на себе тяжелый, громоздкий багаж, который не имела права сдать в камеру хранения, потому что он считался ручной кладью. А сейчас просто поставила его на пол и пошла дальше.

Я боялась признать это раньше. Боялась выглядеть неудачницей, боялась остаться одной в тридцать восемь лет. Но сейчас, сидя под объявлением диктора о прибытии поезда, я чувствовала только одно - освобождение.

Через сорок минут я стояла на перроне в чистой форме. Поезд стоял на соседнем пути.

Я поднялась в вагон. Внутри пахло металлом, дезинфекцией и предстоящей работой.

Когда поезд дернулся и плавно начал набирать ход, я прижалась лбом к прохладному стеклу. Город оставался позади. Фонари побежали быстрее, сливаясь в светящиеся полосы. Я не знала, что будет дальше. Как делить квартиру, как говорить маме, как смотреть в глаза общим друзьям. Но сейчас, когда колеса методично отстукивали мой ритм, я чувствовала, как с каждым километром с меня спадает груз.

Брак был мертв. Да, я боялась это признать. Но поезд шел вперед, и жизнь продолжалась. Где не было лжи.

Глава 4. «Развод»

Я думала, развод - это оглушительный крах, грохот рвущегося металла, предсмертные хрипы и едкий дым, после которого остается лишь бесформенная груда искореженного железа. Но оказалось, все куда прозаичнее.

Дни, последовавшие за разговором на вокзале, слились в один бесконечный, серый, беспроекторный ком. Я подала заявление в загс - тот самый, где десять лет назад мы с Пашей, юные и полные надежд, ставили свои подписи. Теперь в том же кабинете витал запах пыли и казенного равнодушия. Женщина-регистратор, глядя на нас поверх очков, произнесла буднично, словно обращаясь к сотням таких же пар, решивших разойтись:

- Совместное заявление?

- Да, - отозвался Павел первым. Я же промолчала, впившись взглядом в его руки, покоившиеся на стойке. Крупные, с въевшейся в кожу темной каймой под ногтями. Руки обходчика. Руки, которые когда-то так нежно гладили меня по голове. Сейчас они были чужими.

Павел держался с поразительным спокойствием, даже, можно сказать, деловитостью. Он был в чистой рубашке, гладко выбрит, казалось, даже похудел. От него исходило облегчение, словно свалилась неподъемная ноша. Я же чувствовала, как щемит каждая клеточка тела.

Я ждала хотя бы тени сожаления, хотя бы мимолетного взгляда. Но Павел смотрел сквозь меня.

- Через месяц будет назначена дата, - сообщила регистратор, заполняя бланки. - Если, конечно, не передумаете.

- Не передумаем, - отрезал Павел и поднялся.

Мы вышли на крыльцо загса. На улице было пасмурно, моросил мелкий, противный дождь, такой, что разъедает душу.

- По квартире как? - спросил он, отведя взгляд куда-то в сторону. - Я пока там живу.

- Я сниму другую, - тихо ответила я. - Заберу свои вещи.

Мне хотелось закричать, напомнить, что это именно я вносила большую часть платежей по ипотеке. Но я промолчала. Спорить с ним сейчас было все равно что пытаться остановить несущийся поезд голыми руками - бесполезно и мучительно больно.

Через неделю я приехала за вещами. Павел был на смене, но предчувствие неизвестности все равно терзало меня. Я боялась увидеть следы чужой жизни в нашем доме. Открывая дверь своим ключом, первое, что бросилось в глаза, - прибранный коридор. Павел никогда не убирался. Значит, это сделала Света.

Я прошла в спальню. Кровать была застлана свежим бельем. На тумбочке стояла баночка крема и какая-то женская безделушка. Все говорило о том, что здесь теперь живут. Живут без меня. Живут, забыв.

Я опустилась на край стула у окна и вдруг почувствовала, что не могу дышать. Не от ревности. От острого осознания своей ненужности. Я ощущала себя старым составом, списанным с маршрута и забытым в тупике. Пока я моталась по стране, перевозила пассажиров, провожала взглядом закаты из окна купе, здесь, в этом маленьком мире, меня сменили. Без шума, без скандала. Просто нашли кого-то, кто бывает дома.

Я собрала вещи быстро, почти механически. Свои книги, одежду, старый чайник, который брала в рейсы. Фотографии.

Суд назначили на середину мая. День выдался солнечным, что казалось насмешкой. Такая погода создана для прогулок, для любви, для того, чтобы радоваться жизни. А не для того, чтобы сидеть в душном зале суда и слушать, как чужие люди делят то, что когда-то было общим.

Судья, женщина лет пятидесяти с усталым лицом, зачитывала документы. Я слушала ее голос, как слушают объявления по громкой связи на вокзале: вроде бы что-то важное, но где-то далеко, не про тебя.

Я смотрела на Павла. Передо мной сидел совершенно чужой мужчина, который смотрел на меня как на помеху. Как на препятствие на пути к его новой, свободной жизни.

Суд закончился быстро. Квартира оставалась в равных долях, и мы договорились продать ее после выплаты ипотеки. Павел обрел свободу. Когда мы выходили из здания суда, он окликнул меня на ступеньках.

- Лен, - позвал он. Я обернулась. Он стоял, засунув руки в карманы куртки, и явно мялся.
- Ты это... не держи зла.

Я посмотрела на него. Солнце светило прямо в лицо, и я вдруг заметила, как он постарел. Сеточка морщин у глаз, седина на висках. Когда это успело? Я все время была в дороге и не заметила, как муж превратился в чужого дядю.

- Я не держу, - спокойно ответила я. - Чего теперь держать-то?

- Ну, может, еще увидимся... - неуверенно протянул он.

- Зачем? - искренне спросила я.

Павел не нашелся, что ответить. Он пожал плечами, развернулся и пошел останавливать такси. Я смотрела, как он садится в машину, как закрывается дверь.

Машина уехала, оставив после себя лишь легкое облачко выхлопных газов.

Я осталась стоять на ступеньках суда, сжимая в руке свидетельство о расторжении брака. Тонкая бумажка с гербовой печатью. Десять лет жизни уместились в этот клочок. Я свернула его трубочкой, сунула в карман куртки и медленно побрела к остановке.

Я чувствовала себя вычеркнутой. Не из документов - из жизни. Словно кто-то взял ластик и стер все, что было: молодость, надежды, веру в то, что я кому-то нужна.

Я была свободна. И это чувство было похожим на холодный, промозглый ветер на перроне - он обжигает, но он честен. По крайней мере, больше не нужно лгать себе, что ты кому-то необходима.

Глава 5. «Ночной разговор»

Сегодня я механически проверяла билеты, поправляла постельное белье, отвечала на односложные вопросы пассажиров, а мысли находились где-то далеко.

За окнами сгустилась ночь, пассажиры утомились: кто-то смотрел фильмы в телефонах, кто-то уже спал под равномерный стук колес. Для меня наступило то время, когда можно было выдохнуть. Или, наоборот, разрыдаться.

Я не заметила, как ноги сами понесли к тамбуру. Это было мое любимое место в поезде. Здесь, у вибрирующей стены, можно было остаться наедине с ветром и с собственной болью.

Прислонившись спиной к прохладной металлической перегородке, я наконец позволила себе то, что сдерживала весь день. Слезы хлынули неожиданно, обжигая щеки. Я не всхлипывала, не заламывала руки, я просто плакала молча, глядя в темное окно, где стремительно проносились мимо силуэты деревьев. Плечи вздрагивали, из горла рвались наружу беззвучные спазмы. Я чувствовала себя измотанной, ненужной, обманутой.

Десять лет совместной жизни, ремонт, который делали вместе, планы на летний отпуск у моря, его обещание «купить машину, как только накопим». И вот финал. Не громкий, не красивый, а жалкий и постыдный.

Я уткнулась лицом в ладони, позволяя слезам течь сквозь пальцы. Не слышала, как открылась дверь со стороны вагона. Не чувствовала ничего, кроме пульсирующей пустоты внутри.

- Лена.

Голос был негромким. Я вздрогнула и резко обернулась, инстинктивно вытирая лицо рукавом форменной куртки.

В проеме двери стоял Алексей. В тусклом свете ночного света его лицо казалось - спокойное, невозмутимое, без тени любопытства или осуждения.

- Я... ничего, - выдавила я осипшим голосом, отворачиваясь. - Просто устала. Я сейчас пойду.

Я попыталась проскользнуть мимо него, но Алексей не сдвинулся с места. Он стоял, слегка привалившись плечом к дверному косяку, и в его позе не было ни агрессии, ни навязчивости. Просто присутствие.

- Не надо, - сказал он коротко. - Не уходи.

Я замерла, не зная, что делать. В его тоне не было приказа, но была какая-то спокойная уверенность, которая обезоруживала. Я снова прислонилась к стене, чувствуя, что ноги не держат. Слезы еще текли по щекам, но теперь я уже не пыталась их скрывать. Какая разница? Я и так уже всё потеряла.

Алексей не задавал вопросов. Это было самым удивительным. Он не говорил: «Что случилось?», «Кто тебя обидел?», «Плакать из-за мужчины не стоит». Он просто стоял рядом, молча, глядя в темное окно. Его присутствие было тяжелым, но в этой тяжести я вдруг почувствовала странную опору. Как будто он взял на себя часть моей ноши, просто находясь здесь.

Стук колес заполнял паузу. Минута, вторая, третья. Я постепенно переставала вздрагивать. Дыхание выравнилось. Слезы высохли, оставив на лице соленую маску стыда. Я чувствовала себя неловко, но уходить уже не хотелось. Почему-то в этом тамбуре, рядом с этим молчаливым мужчиной, одиночество перестало быть таким острым.

- Ты не спрашиваешь, - наконец произнесла я тихо, скорее утверждая, чем спрашивая.

- Спрашивать - не моя работа, - ответил Алексей, не поворачивая головы. - Моя работа - чтобы состав доехал до пункта назначения. И чтобы люди в нем были в порядке.

- Я в порядке, - машинально ответила я.

- Знаю, - спокойно ответил он. - Потому что ты профессионал. Профессионалы умеют держать удар. Но это не значит, что нужно держать всё в себе.

- Я развожусь, - выдохнула я, и это слово, произнесенное вслух, прозвучало уже не так страшно, как в голове. - Муж изменил.

Алексей кивнул, словно ожидал чего-то подобного, но не из праздного любопытства, а потому что жизнь слишком часто повторяет одни и те же сюжеты.

- Больно, - сказал он просто.

- Очень, - согласилась я, и в этом признании не было слабости. Было облегчение.

- Знаешь, - Алексей провел ладонью по коротко стриженным волосам, - у меня была похожая история. Я тогда тоже думал, что земля уходит из-под ног. Что жизнь кончена. А потом понял, что кончена не жизнь, а только одна её глава. Ты просто переворачиваешь страницу.

Я подняла на него глаза. Впервые я смотрела на кого-то не сквозь боль, а с пониманием.

- И как? Получилось перевернуть? - спросила я.

- Как видишь, - он развел руками, обводя пространство вагона. - Я здесь. Начальник поезда. У меня работа, которую я люблю.

Он замолчал, и я почувствовала, что этот разговор, начавшийся с моих слез, перерос во что-то большее. В ту самую человеческую связь, которая возникает между людьми, когда отброшены все условности.

Он оттолкнулся от косяка и открыл дверь в вагон.

- Посиди здесь, - сказал он. - Я сейчас.

Я осталась одна, но теперь это одиночество не было таким пугающим. Слова Алексея оставили в душе что-то теплое.

Алексей вернулся через пять минут. В руках у него были две кружки - из тех, что стояли в служебном купе. От одной шел пар.

- Держи, - он протянул кружку.

Я удивленно взяла кружку, обжигая пальцы о горячий фарфор.

- Спасибо, - сказала я тихо. - Ты не обязан был.

- Я начальник поезда, - повторил Алексей, отпивая из своей кружки. - Моя команда должна быть в форме. А в форме нельзя быть, если ты голодный, замерзший или... если у тебя сердце болит. С сердцем сложнее всего, но иногда и для него есть лекарство.

Он сделал паузу и посмотрел на меня в упор.

Я слушала, и по щекам снова текли слезы, но теперь это были другие слезы. Не горькие, не едкие. Они текли откуда-то из глубины.

Мы стояли в тамбуре до самого рассвета. Говорили о пустяках и о важном.

Когда первые лучи солнца заглянули в тамбур, я почувствовала странную легкость. Боль не ушла, она притаилась где-то глубоко, давая о себе знать ноющей тяжестью. Но рядом с этой болью появилось что-то ещё. Что-то, что позволяло дышать полной грудью.

- Спасибо тебе, Алексей, - сказала я, когда он собрался уходить. - Не за чай даже. За то, что... не оставил одну.

Алексей кивнул. Он вышел, и я осталась стоять с пустой кружкой в руках. Поезд мерно покачивался, приближаясь к очередной станции.

Я вытерла лицо и глубоко вздохнула. Я не знала, как сложится моя жизнь дальше. Не знала, смогу ли когда-нибудь доверять, любить, строить новое. Но сейчас, в эту минуту, я точно знала одно: она не одна.

Глава 6. «Первое приближение»

Утро началось обычно, проверка билетов, кипятики для пассажиров, короткие перерывы. Я возвращалась в вагон, когда на перроне увидела Алексея. Он разговаривал с начальником вокзала, что-то отмечая в ежедневнике. Его фигура в форменной фуражке выделялась среди пассажиров. Я хотела пройти мимо, ограничившись дружелюбным кивком, но Алексей вдруг поднял глаза и, не прерывая разговора, едва заметно улыбнулся. Улыбнулся так, словно между нами существовала какая-то тайна, понятная только нам двоим.

Я покраснела, ускорила шаг и, оказавшись в вагоне, долго стояла у окна, наблюдая за его фигурой. Я отогнала наваждение и занялась делами.

Он появился в моем вагоне в тот же день, когда поезд уже набрал ход. Я раскладывала постельное белье в служебном купе, когда в дверь постучали. Я открыла, на пороге стоял Алексей с папкой в руках.

- Лена, у тебя есть график поездки на следующую неделю? - спросил он деловито, но голос его звучал мягче, чем обычно.

- Сейчас, - я потянулась к полке, где лежала стопка документов. - Должен быть... вот.

Я протянула ему лист, и наши пальцы на секунду соприкоснулись. Прикосновение было легким, случайным, но я почувствовала, как по руке пробежала предательская дрожь. Алексей, кажется, тоже это заметил, его взгляд задержался на моем лице чуть дольше.

- Спасибо, - сказал он, пряча бумагу в папку. - Как ты себя чувствуешь?

- Нормально, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Всё в порядке.

- Смотри, - он слегка коснулся плеча, и этот жест был таким естественным, словно мы знали друг друга целую вечность. - Если что найди меня. Я тебя выслушаю.

И он ушел, оставив после себя простое мужское присутствие.

Я села на откидное сиденье и уставилась в одну точку. «Что происходит?» - спросила я себя. Алексей никогда раньше не интересовался графиками. У него есть заместитель, который отвечает за документацию. Но он пришел сам. И спросил, как я себя чувствую. Коснулся плеча.

«Не придумывай, - одернула я себя. - Человек просто проявил участие. Ты ему небезразлична как сотрудница, и только. Он же начальник, ему положено заботиться о коллективе».

Но сердце упрямо стучало быстрее, и я поймала себя на том, что до следующей станции еще несколько раз поправляла галстук и приглаживала волосы перед маленьким зеркальцем в купе.

На следующей неделе все повторилось. Алексей зашел снова. На этот раз якобы за тем, чтобы уточнить список пассажиров с детьми - для контроля за безопасностью. Я отдала ему распечатку, и он задержался в вагоне на пятнадцать минут. Стоял в проходе, слушал, как я рассказываю о капризной женщине из третьего купе.

- И что ты делаешь? - спросил он, прислонившись плечом к перегородке.

- А что я могу? - я пожала плечами, чувствуя, как легко и свободно с ним разговаривать.

- Делаю как она просит. Потому что, если послушаюсь, она напишет жалобу, что я нарушаю права пассажиров.

Алексей рассмеялся - негромко, вполголоса, чтобы не мешать пассажирам. Смех у него был приятный, чуть хриловатый, и я заметила, что ей хочется слышать его чаще.

Мы помолчали, и тишина была не неловкой, а какой-то уютной, домашней. Я вдруг поймала себя на мысли, что в этом вагоне, среди стука колес и приглушенных голосов пассажиров, я чувствую себя защищенной. Рядом с Алексеем.

- Ладно, пойду, - сказал он, отрываясь от перегородки.

Он ушел, и я, оставшись одна, поймала себя на том, что смотрю ему вслед. Смотрю, как он идет по коридору, как открывает дверь в тамбур, как исчезает за ней. И в груди разрастается странное, щемящее чувство.

Я ждала его. Вот в чем дело. Ловила себя на том, что прислушиваюсь к шагам в коридоре, что вздрагиваю, когда открывается дверь тамбура. Я ждала его так, как не ждала Павла даже в лучшие времена брака, когда он возвращался с работы.

Это открытие испугало меня. «Ты сошла с ума, - сказала себе, закрываясь в служебном купе и прижимая ладони к горящим щекам. - Ты только что вышла из одного болезненного брака, а уже строишь иллюзии. Алексей - твой начальник. Он просто проявляет внимание, потому что я в сложной ситуации. Не больше».

До конца рейса оставалось еще двое суток, и я поняла, что жду следующего визита Алексея с таким нетерпением, какого не испытывала уже очень давно. Ловила себя на том, что чаще смотрит на телефон, проверяя, нет ли сообщений от него. Прислушивалась к шагам в коридоре и вздрагивала, когда дверь тамбура открывалась.

Алексей зашел в тот вечер. За окнами сгустились сумерки, и в вагоне зажгли приглушенный свет. Я сидела в служебном купе, когда в дверь постучали.

- Можно? - спросил он, заглядывая внутрь.

- Да, заходите, - ответила я, и сердце пропустило удар.

Он вошел, присел на край откидного сиденья. Я затаила дыхание. Вагон мерно покачивался, где-то за стеной тихо переговаривались пассажиры, а в маленьком купе время словно остановилось.

- Как прошел день? - спросил он легко.

- Хорошо, никаких проблем не было, а у вас?

- Как всегда, рутинные дела.

Мы долго смотрели друг на друга, вместе молчали переводя взгляды. Через секунду он ушел, а я осталась сидеть с и смотреть в темное окно, за которым проплывали огни далеких городов. В груди разгоралось что-то теплое, робкое, но живое. Я не знала, что ждет впереди. Не знала, смогу ли снова открыть сердце. Но впервые за долгое время мне хотелось попробовать.

Глава 7. «Старая привычка»

Телефон зазвонил в тот момент, когда я красила губы перед зеркалом. Взглянув на экран, сердце привычно сжалось, хотя прошло уже больше месяца с того дня, как мы развелись. На дисплее высветилось имя: «Павел». Я не сменила его в контактах. Не удалила.

Я замерла с помадой в руке. Глубоко вдохнула, медленно выдохнула. Собралась. И нажала «принять».

- Лена, привет, - голос Павла звучал непривычно. Не было в нём прежней самоуверенности, но и унижения, с которым он приходил на перрон, тоже не чувствовалось. Так разговаривают с чужим человеком, когда нужно о чём-то, но не хочется выглядеть просящим. - Ты как?

- Нормально, - ответила я коротко. - Что случилось?

Я знала этот его тон. Павел звонил не просто так, не ради пустого «как дела». У него всегда был повод, даже когда мы жили вместе. Я привыкла быть той, кто решает, кто помнит, кто организует. Эта привычка въелась глубже, чем я думала.

- Тут такое дело, - Павел замялся, и я услышала, как он щёлкает зажигалкой - старая нервная привычка. - Документы на гараж. Нужно их забрать из БТИ. Я сейчас в командировке, а срок поджигает. Если не забрать до пятницы, очередь снова выстраиваться заново. А ты же знаешь, эта волокита...

- Почему я? - перебила его я. В голосе не было злости, только усталое недоумение. - У тебя есть... - я запнулась, не зная, как назвать ту девушку. - Есть кто-то, кто мог бы помочь.

В трубке повисла пауза. Павел кашлянул.

- Это не её дело, - сказал он наконец. - Документы на гараж оформлены на нас двоих. Нужна или твоя подпись, или доверенность. А доверенность делать дольше, чем самой сходить. Лен, я понимаю, что не имею права тебя просить. Но если не сложно...

Я закрыла глаза. Глупая, тягучая привычка говорить «да». Привычка, которую я растила в себе десять лет. «Лена, ты же можешь», «Лена, у тебя лучше получится», «Лена, ну пожалуйста». И я шла, делала, решала. А потом возвращалась домой, где Павел уже успел пригласить другую.

- Хорошо, - услышала я собственный голос, прежде чем успела подумать. - Когда нужно забрать?

- До пятницы. Я скину адрес и номер заявки. Света привезет все нужные документы. Лен, спасибо. Я правда...

- Не надо, - оборвала я. - Не надо благодарностей. Я сделаю, и мы разойдёмся.

Я сбросила вызов и уставилась в зеркало.

Встречу назначили на четверг. Я специально выбрала день, когда не было рейса, чтобы не пересекаться с Алексеем. Не то чтобы я скрывала от него эту поездку - просто не хотелось объяснять, почему я, женщина, которая смотрела мужу в глаза и говорила «всё кончено», снова бегу выполнять его поручения.

Я приехала в БТИ за полчаса до открытия. Стояла на крыльце, кутаясь в пальто, и смотрела на серое небо.

Света приехала через десять минут. Я не была рада ее видеть - ту, которая разрушила наш брак, украла мужа. А сейчас идет ко мне на встречу, чтобы решить его проблему.

- Лена, - она подошла ближе, и я мельком почувствовала запах одеколона, который дарила Павлу.

- Спасибо, что согласилась, - произнесла она.

- Давай сразу, - сказала я, глядя на нее. - Какие документы нужны?

- Всё в папке, - она протянула мне синюю пластиковую папку. - Павел уже подал заявку, осталось только забрать свидетельство. Твоя подпись нужна, потому что гараж в совместной собственности.

- Я бы могла просто подписать отказ.

- Он не хотел тебя напрягать, - ответила Света. - Гараж тебе не нужен, он знает. Но формальности... ты же понимаешь.

Я подняла глаза. Смотрела на нее в упор, и в моем взгляде было спокойное, твёрдое отстранение.

- Павел всегда не хотел меня напрягать, но при этом находил кучу способов, чтобы я делала то, что нужно ему. С документами, с ремонтом, с его родителями. А когда дело доходило до меня - у него вечно не было времени. Запомни это, Света, если собираешься быть с ним.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но я уже повернулась и пошла к дверям БТИ.

- Я подожду в машине, - крикнула она вдогонку, но я не ответила.

Внутри учреждения было тепло и пахло тоской. Я подошла к окошку, назвала номер заявки. Женщина за стеклом долго сверяла документы, потом попросила подождать.

Я села на пластиковый стул у стены и уставилась в одну точку. Странное чувство разливалось по телу - не боль, не обида, а что-то другое. Глубокая, тягучая усталость. Такая, когда нет сил ни злиться, ни плакать, ни даже думать. Только сидеть и ждать, пока тебе выдадут бумажку, которая окончательно разорвёт последнюю нить, связывающую тебя с прошлым.

Выйдя из здания, я отдала их Свете и пошла к остановке. Я шла и чувствовала, как плечи расправляются, как становится легче дышать.

Глава 8. «Смена»

Всю первую половину пути следующего дня я работала как автомат. Проверка билетов, постельное белье, чай, уборка туалетов, бесконечные просьбы пассажиров. Я улыбалась, отвечала, помогала. Никто из пассажиров не заметил бы, что у женщины, разносящей чай в пластиковых стаканчиках, внутри - выжженная пустота.

Все изменилось к вечеру.

Поезд шел по расписанию, когда я, проходя по коридору пятого вагона, услышала звуки из купе. Негромкий, но настойчивый голос мужчины, приторно-ласковый, и испуганный, срывающийся на шепот голос девушки.

- Ну чего ты ломаешься, красавица? Я просто поговорить хочу. Выпей со мной, веселее будет...

Я остановилась. Дверь в купе была приоткрыта. Я заглянула внутрь и увидела картину, от которой кровь застыла в жилах.

В купе на нижней полке сидел мужчина лет сорока пяти, в дорогой, но помятой кожаной куртке. Его лицо было красным, глаза маслянисто блестели. Он нависал над девушкой, которая вжалась в угол верхней полки. Девушке было на вид лет восемнадцать-девятнадцать. Она была одна. В руках она судорожно сжимала телефон, но, видимо, не решалась позвонить.

- Отойдите, - мой голос прозвучал жестко, как удар плетью.

Мужчина обернулся. Его взгляд скользнул по моей форменной одежде, и на лице появилось выражение пренебрежения.

- Проводница? Ты вообще кто такая? Иди, чай разноси. Тут личный разговор.

- Я сказала, отойдите от пассажирки. - Я сделала шаг в купе. Я не повышала голос, но в нем была та сталь, которая заставляла пьяных дебоширов мгновенно протрезветь.

- А то что? - мужчина попытался встать, но его качнуло. - Вызовешь полицию? Я сам с полицией дружу. Ты знаешь, кто я?

- Мне все равно, кто вы, - спокойно сказала ему я. - Вы находитесь в общественном транспорте. Ваше поведение квалифицируется как мелкое хулиганство. Если вы не вернетесь на свое место и не прекратите приставать к пассажирке, я вызову наряд транспортной полиции на ближайшей станции. А до станции... - я сделала паузу, глядя ему прямо в глаза, - я лично высажу вас на ходу. У меня есть доступ к стоп-крану. Вопросы?

Мужчина замер. В его мутных глазах промелькнуло что-то похожее на страх. Возможно, он увидел в моем взгляде то, что не предвещало ничего хорошего. Я знала, как смотреть на таких. Я видела их сотни. Тех, кто мнит себя королями жизни в плацкарте, тех, кто считает, что купил билет и вместе с ним купил право унижать других.

- Да пошла ты, - буркнул он, но попятился к выходу.

Он вышел в коридор и побрел в сторону тамбура, что-то бормоча себе под нос.

Я перевела взгляд на девушку. Та дрожала мелкой дрожью, глаза были на мокром месте.

- Вы как? - мягко спросила я, и мой голос мгновенно изменился: исчезла сталь, появилась та самая материнская, уютная нотка, которая успокаивала самых нервных пассажиров.

- С-спасибо... - прошептала девушка. - Он просто зашел... сказал, что у нас компания... а там никого больше не было... Я испугалась.

- Больше он вас не тронет, - заверила я. - Я сейчас переселю вас в другое купе, к женщине с ребенком. Там спокойнее. А этого я до конца маршрута буду держать на контроле. Вы чай будете? Я принесу. С мятой. Успокаивает.

Девушка кивнула, вытирая слезы.

Когда я вышла в коридор, чтобы идти за чаем и ключами от другого купе, я столкнулась с Алексеем. Начальник поезда стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня с выражением, которое я не могла сразу расшифровать. В его глазах был интерес. Не тот, плотский, к которому я привыкла за годы работы и который видела в глазах Павла в последнее время. Другой. Изучающий. Уважительный.

- Я слышал, - сказал Алексей негромко. - Вызов «наряд полиции», угроза высадить на ходу... Это было эффектно. И профессионально.

- Он бы не уgomонился, - я пожала плечами. - Такие уgomоняются только тогда, когда чувствуют реальную силу. Пустые угрозы они не воспринимают.

- Знаю, - Алексей кивнул. - Не каждый проводник способен так поставить человека на место. Вы - женщина с характером.

Эти простые слова упали куда-то глубоко внутрь. Туда, где еще недавно зияла пустота. «Женщина с характером». Не жертва. Не брошенная жена. Не та, кого променяли на молодую девушку. А женщина с характером.

Я почувствовала, как щеки заливают краской. Я редко краснела. Но сейчас я стояла перед начальником поезда, чувствуя себя девчонкой, которая получила неожиданный комплимент.

- Спасибо, - сказала я, опуская глаза. - Но мне нужно идти. Пассажирку переселить, чай принести.

- Конечно, - Алексей посторонился, пропуская меня.

Ночь прошла спокойно. Я сделала обход, проверила все двери, поменяла постель в освободившемся купе. Того мужчину больше не видела.

Я сидела в своем служебном отсеке, пила остывший чай и смотрела в темное окно, где изредка проносились огоньки дальних станций. Вспомнила слова Алексея. «Женщина с характером». Он сказал это не как начальник, оценивающий подчиненную. И не как мужчина, который делает заход, как делали многие за эти годы. Он сказал это так, словно увидел во мне что-то настоящее, то, что я сама в себе перестала замечать, погрязнув в быту, в надежде, что все наладится.

Глава 9. «Станция “Нежность”»

Алексей ворвался в мою жизнь задолго до развода. Тогда он был всего лишь командиром поезда – сухим голосом в рации, строгой спиной в форменной рубашке, маячившей в начале состава. Всё изменилось в тот рейс, когда, рыдая в служебном тамбуре, я получила от него стакан горячего чая. Он слушал, поддерживал, и я впервые разглядела в нем не просто начальника.

С тех пор прошел месяц. Мы продолжали работать вместе, пересекались на отстоях, обсуждая графики и пассажиров. Иногда он сам заглядывал в тамбур, спрашивая о какой-то мелочи. Никогда не касался темы Павла. И я была благодарна ему за это молчание больше, чем за любые слова утешения. Алексей просто был рядом.

Сегодня, за час до отправления на очередной маршрут, я зашла к нему за маршрутными листами. Он сидел за столом, в наушнике, оживленно беседуя с диспетчерской. Увидев меня, он прикрыл микрофон ладонью и произнес слова, от которых что-то дрогнуло внутри.

- Лена, через три дня у нас отстой в Тюмени. Сутки. Я тут подумал... - он отвел взгляд к окну. - Город я знаю плохо, всё через вокзал да через вокзал. Может, составишь компанию? Кофе выпьем. Настоящий, не из нашей столовой.

Я замерла. Первая мысль была категорична: «Нельзя». Нельзя смешивать работу и личную жизнь. Я уже ошиблась раз, выйдя замуж за обходчика. Моя жизнь и так подчинена гудкам и стрелкам, расписана по минутам. Второй мужчина в форме – это риск. Но вторая мысль, тихая, но настойчивая, прозвучала яснее: «А когда? Когда в последний раз тебя приглашали просто выпить кофе?»

- В Тюмени, говоришь? - переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Там, на улице Республики, есть одно место. Если оно еще не закрылось. Раньше варили отличный эспрессо.

Алексей убрал ладонь с микрофона, кивнул диспетчеру что-то про готовность состава и отключился. Повернулся ко мне.

- Значит, договорились. Я угощаю.

Три дня тянулись мучительно долго. Я не собиралась нравиться. Это же просто кофе. Коллеги после смены выпивают кофе, это нормально. Но, войдя в город, я надела не форму. Джинсы, которые сидели так же хорошо, как и пять лет назад, белый свитер и шерстяную шаль, связанную бабушкой. Шаль пахла домом, настоящим, детским, где не было предательства. Алексей ждал у выхода из вокзала. Без кителя, в темно-синей куртке, он выглядел моложе. Непривычно. Без форменной фуражки его волосы вились на ветру.

- Выглядишь... отдохнувшей, - сказал он, и в его голосе была такая осторожность, будто он боялся что-то спугнуть.

- Это потому, что я без чемодана с бельем, - усмехнулась я. - Идем. Тут минут пятнадцать пешком.

Мы шли по вечерней Тюмени. Город жил своей обычной жизнью: светились окна аптек, сигналили машины, где-то тихо играла музыка из открытой двери кафе. Я вдруг остро ощутила, как мало я вижу обычной, не вокзальной жизни. Моя вселенная – это рельсы, перроны, нарядные формы пассажиров, спешащих неведомо куда. А здесь, на этой улочке, люди просто гуляли. Держались за руки. Смеялись.

Я шла рядом с Алексеем, наши плечи почти касались. Я ловила себя на том, что считаю его шаги. Широкие, уверенные. Он шел так, будто знал маршрут, даже если не знал.

Кафе оказалось на месте. Маленькое, с витражными окнами, и запахом корицы, который выплывал на улицу, стоило толкнуть тяжелую дверь. Мы сели у окна.

Кофе принесли в толстых чашках. Я сделала глоток и закрыла глаза. Горьковатый, с кислинкой, густой. Настоящий. Не тот растворимый, которым мы спасаемся в ночных сменах.

- Хорошо, - выдохнула я.

- Хорошо, - повторил он, глядя не на чашку, а на меня.

Мы говорили о всякой ерунде. Алексей смеялся – низко, раскатисто, запрокидывая голову. Я заметила, что седина на его висках гуще, чем под фуражкой, и это почему-то тронуло меня до слез. Я не заплакала, конечно. Сделала еще глоток кофе.

- Лен, - он внезапно стал серьезным, поставил чашку на блюдце и уперся в нее пальцами.

- Я хочу спросить. И ты не отвечай, если не хочешь. Ты сейчас... как? По-настоящему?

Я смотрела на его пальцы. Чистые, без колец. Сильные. Такими пальцами держат рацию, стучат по расписаниям, поправляют галстук перед выходом к пассажирам. И я подумала, что уже очень давно никто не спрашивал меня, как я на самом деле.

- Как поезд, который сошел с рельсов, - сказала я честно. - Вроде и состав цел, и люди живы, а колея кончилась. И непонятно, как на нее возвращаться.

Он кивнул, принимая мою метафору без лишних комментариев.

- Знаешь, что главное в таком случае? - спросил он. - Не дергаться. Остановиться. Осмотреться. И ждать, пока придет умиротворение.

- А если не придет? - спросила я тихо.

- Придет, - сказал он уверенно. - Обязательно придет. Но даже если задержится... ты же не одна.

Я подняла на него глаза. В его взгляде не было жалости. У Алексея была тихая, спокойная сила.

- Спасибо, - сказала я. - За кофе. И за... это.

- Не за что, Лен. Это не благотворительность, - усмехнулся он. - Я, если честно, сам давно не выбирался в город. А одному идти в кафе – тоска.

Мы просидели почти два часа. За окном стемнело, зажглись фонари, и витражное стекло превратилось в темное зеркало, в котором отражались мы вдвоем: женщина в белом свитере с усталыми, но спокойными глазами, и мужчина, который смотрел на нее так, будто она была не просто проводницей из его состава, а чем-то гораздо более важным.

Когда мы вышли на улицу, ветер стих. Моросило. Алексей расстегнул куртку и, не спрашивая, накинул мне на плечи. Я хотела возразить, но его пальцы на мгновение задержались на моей ключице – легче перышка, случайно – и я замолчала.

- Простынешь, - сказал он. - Нам завтра в рейс.

Мы возвращались к вокзалу другой дорогой. Миновали сквер, где фонари отражались в лужах, и я вдруг поймала себя на том, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался. Не потому, что, между нами, что-то произошло. Потому что ничего не произошло. Не было неловкости, не было попыток залезть в душу. Был просто вечер. Два человека, которые понимают друг друга без свистка.

У вокзала мы остановились. Свет от дежурной лампы падал на его лицо, делая черты резкими, почти графичными.

- Спасибо за экскурсию, Лена, - сказал он официально, но в глазах плясали чертики. - Зачет. Рекомендую продолжить ознакомление с городом в следующий отстой.

- Посмотрим, Алексей Иванович, - ответила я, возвращая ему куртку. Наши пальцы снова встретились, и на этот раз я не отвела руку первой. Это он отпустил.

- Спокойной ночи, - сказал он. - У нас ранний подъем.

Я поднялась в свой вагон. Прошла в служебное купе, села на жесткую полку и долго смотрела в окно на перрон, где уже никого не было.

Сердце стучало ровно. Ничего не случилось. Мы просто выпили кофе. Но почему-то сегодня я впервые за долгое время заснула без таблетки валерианы и без комка в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.